

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.144.99>

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА И ОБРАЗ ПРЕДАТЕЛЯ В ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ»
И РАССКАЗЕ Ю. НАГИБИНА «ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК»

Научная статья

Плаксицкая Н.А.^{1,*}, Зайцева Н.В.², Ломакина С.А.³

¹ ORCID : 0000-0002-5086-9412;

² ORCID : 0000-0002-9755-9542;

³ ORCID : 0000-0002-8750-381X;

^{1,2,3} Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина, Елец, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nplak[at]yandex.ru)

Аннотация

Среди активно функционирующих традиционных сюжетов в мировой литературе XX века следует назвать библейский сюжет о предателе рода человеческого Иуде. С одной стороны, это обусловлено, прежде всего, богатейшим потенциалом данного сюжета для нравственно-этического рефлексии, с другой, сюжет об Иуде Искариот в драматических исторических условиях XX века оказался благотворным материалом для осмысления многих процессов современности. В данной статье на материале повести Л. Андреева «Иуда Искариот», ставшей самобытно-экспериментальным литературным вызовом минувшего столетия, и рассказа Ю. Нагибина «Любимый ученик», являющегося неким художественно-усложненным утверждением плодотворности перепроверки всей системы морально-этических констант, делается попытка рассмотреть рецепцию образа предателя-отступника, а также проследить трансформацию его восприятия в литературе XX века. Отмечено, что художественно-экспериментальная трактовка данными художниками проблемы предательства Иуды обнаруживает новые горизонты смыслов известного библейского сюжета.

Ключевые слова: Л. Андреев «Иуда Искариот», Ю. Нагин «Любимый ученик», Иуда Искариот, библейский образ, «вечный» образ, феномен предательства, образ предателя, авторский эксперимент.

THE PSYCHOLOGY OF BETRAYAL AND THE IMAGE OF THE TRAITOR IN L. ANDREEV'S STORY "JUDAS
ISCARIOT" AND YURI NAGIBIN'S STORY "THE FAVOURITE DISCIPLE"

Research article

Plaksitskaya N.A.^{1,*}, Zaitseva N.V.², Lomakina S.A.³

¹ ORCID : 0000-0002-5086-9412;

² ORCID : 0000-0002-9755-9542;

³ ORCID : 0000-0002-8750-381X;

^{1,2,3} I.A. Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

* Corresponding author (nplak[at]yandex.ru)

Abstract

Among the actively functioning traditional plots in the world literature of the XX century is the biblical plot about Judas, the traitor of the human race. On the one hand, this is due, firstly, to the rich potential of this plot for moral and ethical reflection, on the other hand, the plot about Judas Iscariot in the dramatic historical conditions of the XX century turned out to be a favourable material for comprehending many processes of modernity. In this article, on the material of L. Andreev's story "Judas Iscariot", which became a distinctive and experimental literary challenge of the past century, and Y. Nagibin's story "The Favourite Disciple", which is a kind of artistically complicated statement of the fruitfulness of rechecking the whole system of moral and ethical constants, an attempt is made to examine the reception of the image of the traitor apostate, as well as to trace the transformation of his perception in the literature of the XX century. It is noted that the artistic and experimental interpretation of the problem of Judas' betrayal by these artists discovers new horizons of the meanings of the famous biblical plot.

Keywords: L. Andreev "Judas Iscariot", Y. Nagibin "The Favourite Disciple", Judas Iscariot, biblical image, "eternal" image, phenomenon of betrayal, image of a traitor, author's experiment.

Введение

Диалектика развития литературного процесса XX века отличается активным обращением к традиционным или вечным мотивам и образам, что вызвано стремлением осмыслить многие сложные явления современности, осознать стремительное движение исторического времени вперед. Одной из знаковых тем для искусства XX столетия стала морально-этическая категория предательства, заключающая в себе вероломство, чуждое рационалистическим доводам и кровным узам, а также образ предателя Иуды, как ее образное воплощение. К этой теме обращались многие художники прошедшего столетия, стремясь дать свое видение проблемы и современный ракурс прочтения: Л. Андреев, Э. Бёрджесс, М. Булгаков, К. Брентано, М. Волошин, К. Вейзер, Н. Мейлер, Г. Панас, А. Ремизов, Ж. Сарاماго, П. Буало, Т. Нарсежак, Ю. Нагин, Х.Л. Борхес и др. Но стоит отметить, что творчество этих художников не просто воспроизведение и репликация библейского сюжета и героя, знакомых человечеству на ментальном уровне,

а их активное переосмысление. Литература XX века, уставшая от традиционности и регламентированности XIX столетия, бросилась в омут эксперимента. По утверждению Г.А. Зябревой и Л.Н. Икитян, «сама жизнь, ставшая “плацдармом” для множества социально-психологических вариантов эксперимента-инварианта, стимулирует обращение к экспериментальной ситуации в литературе» [7, С. 76]. Подтверждением этому могут служить повесть «Иуда Искариот» Л. Андреева и рассказ «Любимый ученик» Ю. Нагибина, первое создано в начале 10-х, а второе в 90-х годах XX века, но каждый из художников ставит свой литературный эксперимент на библейский сюжет о предателе, отказываясь от канонической трактовки.

Объектом научного внимания в статье становятся особенности индивидуально-авторского решения образа предателя и психологии предательства-отступничества в повести Л. Андреева «Иуда Искариот» и рассказе Ю. Нагибина «Любимый ученик». Выбор произведений для анализа обусловлен необычностью авторской интерпретации мотивов предательства, оказавшей влияние на изменение структуры и семантики образа главного героя.

Теоретической базой исследования послужили работы И.А. Богатко [3], Л.А. Колобаевой [8], Е.В. Корнеевой [10] В.П. Крючкова [11], С.В. Зеленцовой [6], С.Г. Замлелова [5], Г.А. Зябревой [7], Л.Н. Икитян [7], А.Е. Нямцу [14] и др.

Методология статьи базируется на использовании следующих методов: сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и методе целостного анализа текста.

Основные результаты

Не раз отмечено, что в произведениях Л. Андреева «библейские мотивы и образы получили оригинальную интерпретацию, чаще всего резко противоречащую традиционной» [10, С. 108]. Появившаяся в 1907 году в сборнике товарищества «Знание» повесть «Иуда Искариот» тоже представляет собой экспериментально-авторское осмысление библейского сюжета о великом предателе-отступнике. Обосновывая замысел, Л. Андреев записал в дневнике: «Нечто по психологии, этике и практике предательства» [11, С. 17]. Данный посыл толкает художника отвергнуть традиционную точку зрения и, по определению М. Волошина, создать «евангелие наизнанку», ядром которого станет глубокий анализ феномена предательства. В своем разговоре с М. Горьким писатель как-то заявил: «<...> Ты когда-нибудь думал о разнообразии мотивов предательства? Они – бесконечно разнообразны <...>» [4, С. 356]. Именно ответ на этот вопрос станет основой авторской рефлексии в повести «Иуда Искариот».

Ядро повествования писателя-философа выстраивается вокруг осмысления образа Иуды и его предательства-отступничества. Ключевую идею повести Л. Андреева можно трактовать, как попытку постичь психологическую основу поступка антигероя. С первых строк повествования писатель создает нелицеприятный образ: «Детей у него не было, и это еще раз говорило, что Иуда – дурной человек и не хочет бог потомства от Иуды» [2, С. 253]. В портрете Искариота отмечается целенаправленное сгущение отрицательно-отталкивающих описаний и характеристик, что по авторскому замыслу должно восприниматься как предопределенность героя к безнравственному поступку: «И вот пришел Иуда <...> Он был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус, и достаточно крепок силою был он, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха; и часто слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые, шероховатые занозы. Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось так же и лицо Иуды <...>» [2, С. 254]. Отталкивающий образ Искариота здесь создается с помощью стилистически-маркированной лексики.

Постоянная коннотация портрета персонажа отрицательными дефинициями эксплицирована на раскрытие негативного отношения окружающих к иудею: «Даже люди, совсем лишенные проникательности, ясно понимали, глядя на Искариота, что такой человек не может принести добра <...>» [2, С. 255]; «Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота – человек очень дурной славы и его нужно остерегаться» [2, С. 252]. Другие ученики Иисуса Христа тоже неохотно находятся рядом с ним: «Брезгливо отодвинулся Иоанн <...>» [2, С. 255]. Но и сам Иуда не стремится к сближению с людьми, исключением становится галилеянин Иисус: «<...> а Иисус приблизил его и даже рядом с собою посадил Иуду» [2, С. 255]. Впоследствии не только окружающие, но и сам Учитель, как кажется Иуде, отворачивается от него: «И для всех он (Иисус) был нежным и прекрасным цветком, а для Иуды оставлял одни только острые шипы – как будто нет сердца у Иуды <...>» [2, С. 265] – (уточнение авторов статьи – Н.П., Н.З., С.Л.). В душе Иуды рождается обида, он не может понять, почему с другими Иисус ласков, а с ним нет, ведь он очень любит Учителя.

Л. Андреев традиционное изображение поступка Иуды дополняет психологическим анализом переживаний и объяснений мотивов героя. Писатель подчеркивает, что противоречивые чувства, поселившиеся в душе апостола иудейского (хмелящая гордыня, ревность, зависть), возникают из-за огромной любви к Учителю, любви действенной, толкающей на поступки, безнравственные и преступные, но поступки. Глубину смятенных чувств передает поведение Иуды в момент его нравственного преступления: «Охваченный безумным страхом за Иисуса, точно видя уже капли крови на его белой рубашке, Иуда яростно и слепо бросался на толпу, грозил, кричал, умолял и лгал, и тем дал время и возможность уйти Иисусу и ученикам» [2, С. 265].

Автор усложняет мотивацию поведения своего героя: в его трактовке не только обида становится психологическим толчком для совершения предательства. По мнению художника, поступок Иуды есть стремление обличить чувства «других» к Мессии, показать их преступление и, тем самым, подчеркнуть свою любовь: «Кажется, вы не поняли меня, – говорит Иуда с достоинством, бледнея. Иуда обманул вас. Он был невинен. Вы убили невинного» [2, С. 319]. Для героя это страшная и тягостная минута, поэтому выполнение каждодневных человеческих нужд (сон, трапеза, отдых) в момент горя неприемлем: «Иуда замолчал, подняв руку, и вдруг заметил на столе остатки трапезы. И с странным изумлением, любопытно, как будто первый раз в жизни увидел пищу, оглядел ее и медленно спросил: – Что это? Вы

ели? Быть может, вы спали также?» [2, С. 323]. В повести создается формально-усложненный характер предателя: андреевский Иуда есть страдающая и нуждающаяся в любви натура, идущая на совершение злодеяния с целью обратить на себя внимание Учителя. Таким образом, «центральный мотив безнравственности апостола Иуды», как справедливо замечено С. С. Аверинцевым, это «мучительная любовь к Христу и желание спровоцировать учеников и народ на решительные действия» [1, С. 119]. В этом проявляется двойственность, неоднозначность поведения Искарриота, отражающая, с одной стороны, дьявольское начало его натуры, а с другой, его потрясающую искренность, что имеет под собой психологическую мотивированность, заключающуюся в желании и иметь любовь Учителя, и обличить тех, кто уже концентрирует его любовь на себе, но, по мнению Иуды, не имеет право на нее.

Герой движим желанием проверить свою теорию, а затем открыть Учителю правду. «Иуде нужно не доказать, что ученики Христа, как и люди вообще, дурны <...> Иуда должен решить вопрос – обманывается он или прав? <...> повесть задает вопрос об основных ценностях человеческого бытия» [8, С. 142]. Иуда занимает позицию правдолюбца: иудей, бросивший вызов всему укоренившемуся, ради идеи готов погубить себя и других. Андреевский отступник жертвует собой ради исполнения пророчества, понимая, что обречен стать одним из «всемирных врагов» (А.С. Пушкин): «<...> и у всех народов, какие были, какие есть, останется он одиноким в жестокой участи своей – Иуда из Кариота, Предатель» [2, С. 326]. В поведении героя отсутствует мотив покаяния (самобичевания), что актуализирует в убеждении отступника уверенность в правильности совершенного грехопадения.

Таким образом, идейно-философский замысел автора однозначно далек от релятивизма и укоренившихся церковных догм. Андреевская литературная интерпретация евангельского сюжета, по замечанию М. Горького, «будет понятна немногим», так как, несмотря на сохраненную библейскую канву, писатель все же существенно меняет в ней акценты. Сосредотачивая внимание на психологии поступка величайшего предателя, он изображает отступника как незаурядную личность, выступающую неким оракулом, который должен донести до мира глубинную идею. Вынесение имени библейского героя в название текста является экзистенциальным свидетельством того, что именно психологическая составляющая Искарриота, его поиск истины есть интерес художника. Писателю-экспериментатору удастся реализовать в повести отличный от канонического образ предателя Иуды: в изображении Л. Андреева герой предстает перед нами как «потенциальный бунтарь, мятежник, бросающий вызов земному и вечному бытию» [12, С. 64].

В попытке глубже и тоньше осмыслить известный библейский сюжет и детально изучить основы психологии предательства в 1991 году был замечен и прозаик Ю. Нагибин, который обращается к исследованию образа Иуды в рассказе «Любимый ученик». Исследователями не раз замечено, что советско-российский писатель вступает в рассказе в сложный философский диалог-спор с повестью Л. Андреева и тоже удивительно тонко предлагает новое прочтение и вносит иные акценты в традиционное понимание образа предателя-отступника: «Потом мы вместе с тобою, обнявшись, как братья, вернемся на землю. Хорошо? <...> Иуда, лишь мы с тобой обречены бодрствовать в этот страшный канун, Иуда, брат мой и жертва, прости меня!..» [13, С. 59-60].

Нагибинский рассказ, наполненный многомерностью смыслов и стремящийся наиболее точно передать сложность и противоречивость повествования, «вводит десакрализованную авторскую интерпретацию образа Искарриота, как человека жертвенного и великодушного» [5, С. 54]: «Меня ждет место одесную Отца моего, а я маюсь, дрожу, мокну холодным потом, мой рассудок мутится от страха, – каково же будет тебе, обреченному на муки вечные и вечный позор в памяти людей?» [13, С. 57]. В нагибинской трактовке вечного сюжета и образа явный отход от библейского канона: Искарриот наделен лишь положительными качествами, ему не присущи такие пороки, как сребролюбие: «Собственных денег у Иуды почти не водилось, и он запускал руку в общую скудную казну. Все это знали, но молчали, уважая его безоружную доброту» [13, С. 55]. В отличие от Иуды Л. Андреева, предатель-отступник у Ю. Нагибина есть глубоко страдающая и понимающая личность. Прозаик минимизирует внешние оценки новозаветного персонажа (портрет, одежду, индивидуальные привычки), ссылаясь на великолепие героя, которое в подтверждении не нуждается. Иуда с таким набором положительных характеристик явно не может быть антигероем, но становится таковым по заданию автора. Писатель исходит из того, что жизненное предназначение Учителя и «любимого ученика» было определено свыше. Нагибинскому Иисусу предоставлена жертвенная возможность избрать предающего из числа окружающих его апостолов, который впоследствии будет обречен на вечное проклятие и гибель, исключая спасение души. Его выбор пал на Иуду. Писатель верен канонической истории, предпочтя образ в соответствии традиционной библейской экзегезой. Стоит отметить и тот сюжетобразующий факт, следуя которому, Христос испытывает личное сопротивление принятому решению, но, все же, понимая последующую судьбу отступника, он принимает его. Художественная интерпретация аутентичного текста включает противоречивую характеристику-впечатление, основой которой становится морально расчётливая неистовость Иисуса Христа: «Возмездие должно было следовать прямо за преступлением, иначе не сбылось бы начертанное: Христос будет предан, но горе тому, кто его предаст. В этом коренится многое: и духовные, и даже правовые начала. Первый кнут доносчику – отсюда. В предательство должна быть заложена расплата. Предать Христа мог любой из апостолов, но лишь один Иуда мог после этого повеситься. Пример Петра лучшее тому доказательство: трехкратное отречение он оплатил слезами, а не петлей» [13, С. 65].

Предательство героя «<...> носит вынужденный характер – он должен выполнить волю Христа во имя безграничной любви к нему» [11, С. 59]. Неслучайно, подчеркивая избранность иудея, окончательно лишённого демонического начала, Ю. Нагибин делает акцент, отраженный в заглавии произведения, на том, что Иуда Симонов есть «любимый ученик» Иисуса, который сам целенаправленно «определяет» его на роль предателя, аргументируя решение следующим доводом: «Но ты станешь наосось, ближе всех ко мне, ибо возлюбишь меня сильнее жизни, чести и души спасения» [13, С. 55].

В свою очередь писателя волнует не столько сама констатация совершенного грехопадения, а внутренние мотивы поведения героев, понимание ими сути событий, изображение душевных переживаний Иуды в момент грехопадения. Моментом откровения становится разговор в Гефсиманском саду: «Иисус пошел к ученикам и вновь застал их

спящими. Они не проснулись на громкую, надтреснутую укоризну. Иисус оставил их в покое, хотя так нуждался сейчас в сочувственном слове. Но что поделать: люди спят, небо молчит и дышит холодом. «Иуда, лишь мы с тобой обречены бодрствовать в этот страшный канун, Иуда, *брат мой и жертва*, прости меня!..» [13, С. 60]. Художник делает владеющими истиной обоих участников диалога (и предаваемого, и предателя), поэтому именование Иуды «мой брат» и «жертва», с одной стороны, проявляет внутреннюю близость и любовь Иисуса к иудею, а с другой, раскрывает мотив добровольного избранничества, сопричастности Искарриота, отчетливо понимающего, на что он идет. Именно поэтому звучат из уст пророка слова «прости меня»: он хорошо осознает ту высокую цену, которую иудей заплатит за свою дружбу и верность. Писатель неслучайно вводит в повествование портрет Искарриот в момент предательства: «Иисус почувствовал благодный запах скошенных трав, когда к ним попадает мята и душица. Воистину, уста праведников благоухают, а уста грешников источают смрад. Странные слова Иуды были понятны Иисусу: он тверд и сделает все до конца. Нежно и горестно смотрел Спаситель в лицо предавшего его. Как истаяла его плоть, а глаза провалились в череп – вот чем он оплатил эту ночь» [13, С. 62]. Из данного эпизода очевидной становится судьба персонажей: Иисус будет воскрешен, а Иуда навеки проклят.

Исходя из замечания В. Крючкова, утверждавшего, что «в нагибинской интерпретации Иуда является мнимым антагонистом и предателем Христа» [11, С. 61], очевидным становится, что все повествование рассказа Ю. Нагибина ставит цель разрушения космо-догматического восприятия образа Иуды Искарриота. Предательство апостола, чей образ либерализировался в авторско-философской оценке писателя, есть грехопадение во имя любви, во имя спасения человечества: «Я сделаю, как ты говоришь, Господи» [13, С. 59]. Таким образом, художественно-экспериментальная глубинно-опосредованная трактовка действительности Ю. Нагибиным, получившая развитие в рамках рассказа «Любимый ученик», обнаруживает новые горизонты понимания образа великого предателя. Фигура повествователя неслучайно концентрирует внимание на жертвенном образе отступника Иуды как постигшем истину, осознавшем важность предначертанной судьбой и только после этого сознательно совершившем свое вероломство. Следовательно, данное философско-психологическое произведение Ю. Нагибина, релятивно-сочетающее в себе реалистические и условно-метафорические способы отражения действительности, есть попытка постичь психологические основы совершенного грехопадения.

Заключение

В ходе размышлений мы пришли к следующим выводам. Анализ индивидуально-авторских разножанровых нарративов позволил раскрыть художественно-философское и структурно-семантическое осмысление многогранного образа Иуды Искарриота, рассмотреть идейно-психологический феномен предательства и общекультурный образ апостола-отступника в текстах-экспериментах Л. Андреева и Ю. Нагибина, дающих возможность нового прочтения и выделяющих иные аспекты в традиционном образе, помогающие определить внутренние мотивы, ставшие психологическим толчком фатального грехопадения. Таким образом, совершающий предательство, мотивировки которого в изображении Андреева и Нагибина отличны («Иуда Искарриот»: отверженность, гордыня, «любовь с надрывом», мятежность; «Любимый ученик»: знание истины, жертва во имя спасения), Иуда выступает жертвой обстоятельств, оружием в руках истинных богоборцев. Следовательно, целенаправленное утверждение не только возможности, но и плодотворности перепроверки всей системы духовных констант перерастает у писателей в целостную стратегию исследования психологии образа Искарриота.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аверинцев С.С. Иуда Искарриот / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. — М., 1990. — Т.1. — 672 с.
2. Андреев Л.Н. Иуда Искарриот / Л.Н. Андреев. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.
3. Богатко И.А. Юрий Нагибин: Литературный портрет / И.А. Богатко. — Москва: Сов. Россия, 1980. — 112 с.
4. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. / М. Горький. — Т. 30. — Москва: Гос. Изд-во, 1949–1955. — 622 с.
5. Замлелова С.Г. Приблизился предающий: Трансгрессия мифа об Иуде Искарриоте в XX–XXI вв.: монография / С.Г. Замлелова. — Москва: Буки Веди, 2014. — 272 с.
6. Зеленцова С.В. Трансформация образа Иуды: опыт Л.Н. Андреева и Амоса Оза / С.В. Зеленцова, Е.А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2018. — №1 (78). — С. 126-133.
7. Зябрева Г.А. Феномен художественного эксперимента в творчестве Леонида Андреева / Г.А. Зябрева, Л.Н. Икитян // Вопросы русской литературы. — 2007. — № 14. — С. 74-89.
8. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX веков / Л.А. Колобаева. — Москва: МГУ, 1990. — 333 с.
9. Колосова С.Н. Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии: дис. ... д-ра фил. наук / С.Н. Колосова. — Литературный институт им. А.М. Горького. — Москва, 2012. — 166 с.

10. Корнеева Е.В. Система мотивов художественной прозы и драматургии Леонида Андреева: учебное пособие / Е.В. Корнеева. — Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. — 115 с.
11. Крючков В.П. «Еретики» в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков: учебное пособие / В.П. Крючков. — Саратов: Лицей, 2003. — 288 с.
12. Муратова К.Д. Рассказ Леонида Андреева «Полет» / К.Д. Муратова // Русская литература. — 1997. — № 2. — С. 63-67.
13. Нагибин Ю.М. Любимый ученик / Ю.М. Нагибин // Избранные произведения в трёх томах. — М.: Аграф, 1996. — 554 с.
14. Нямцу А.Е. Новый завет и мировая литература / А.Е. Нямцу. — Черновцы: ЧГУ, 1993. — 244 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averincev S.S. Iuda Iskariot [Judas Iscariot] / S.S. Averincev // Mify narodov mira: Enciklopediya: V 2 t. [Myths of the peoples of the world: An Encyclopedia: In 2 vols.] — М., 1990. — V.1. — 672 p. [in Russian]
2. Andreev L.N. Iuda Iskariot [Judas Iscariot] / L.N. Andreev. — Moscow: AST, 2018. — 416 p. [in Russian]
3. Bogatko I.A. YUrij Nagibin: Literaturnyj portret [Yuri Nagibin: A literary portrait] / I.A. Bogatko. — Moscow: Sov. Russia, 1980. — 112 p. [in Russian]
4. Gor'kij M. Sobranie sochinenij. V 30 t. [Collected works. In 30 Vols.] / M. Gor'kij. — V. 30. — Moscow: State Publishing House, 1949–1955. — 622 p. [in Russian]
5. Zamblelova S.G. Priblizilsya predayushchij: Transgressiya mifa ob Iude Iskariote v XX–XXI vv.: monografiya [The Betrayer has approached: The Transgression of the myth of Jesus Christ in the XX–XXI centuries.: monograph] / S.G. Zamblelova. — Moscow: Buki Vedi, 2014. — 272 p. [in Russian]
6. Zelencova S.V. Transformaciya obraza Iudy: opyt L.N. Andreeva i Amosa Oza [The Transformation of the image of Judas: the experience of L.N. Andreev and Amos Oz] / S.V. Zelencova, E.A. Miheicheva // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Orel State University]. — 2018. — №1 (78). — P. 126-133 [in Russian].
7. Zyabreva G.A. Fenomen hudozhestvennogo eksperimenta v tvorchestve Leonida Andreeva [The phenomenon of artistic experiment in the work of Leonid Andreev] / G.A. Zyabreva, L.N. Ikityan // Voprosy russkoj literatury [Questions of Russian literature]. — 2007. — № 14. — P. 74-89 [in Russian].
8. Kolobaeva L.A. Konceptsiya lichnosti v russkoj literature rubezha XIX-XX vekov [The concept of personality in Russian literature at the turn of the XIX-XX centuries] / L.A. Kolobaeva. — Moscow: MSU, 1990. — 333 p. [in Russian]
9. Kolosova S.N. Tipologiya i poetika portreta v russkoj liricheskoj poezii [Typology and poetics of Portrait in Russian Lyrical Poetry]: dis. ... Dr. phil. sciences / S.N. Kolosova. — Literaturnyj institut im. A.M. Gor'kogo [A.M. Gorky Literary Institute]. — Moscow, 2012. — 166 p. [in Russian]
10. Korneeva E.V. Sistema motivov hudozhestvennoj prozy i dramaturgii Leonida Andreeva: uchebnoe posobie [The system of motives of Leonid Andreev's fiction and drama: textbook] / E.V. Korneeva. — ELEC: YSU named after I.A. Bunin, 2001. — 115 p. [in Russian]
11. Kryuchkov V.P. «Eretiki» v literature: L. Andreev, E. Zamyatin, B. Pil'nyak, M. Bulgakov: uchebnoe posobie [“Heretics” in literature: L. Andreev, E. Zamyatin, B. Pilnyak, M. Bulgakov: textbook] / V.P. Kryuchkov. — Saratov: Licej, 2003. — 288 p. [in Russian]
12. Muratova K.D. Rasskaz Leonida Andreeva «Polet» [The story of Leonida Andreeva "Flight"] / K.D. Muratova // Russkaya literatura [Russian literature]. — 1997. — № 2. — P. 63-67 [in Russian].
13. Nagibin YU.M. Lyubimyj uchenik [Favorite student] / YU.M. Nagibin // Izbrannye proizvedeniya v tryoh tomah [Selected works in three volumes]. — М.: Аграф, 1996. — 554 p. [in Russian]
14. Nyamcu A.E. Novyj zavet i mirovaya literature [The New Testament and World Literature]. / A.E. Nyamcu. — Chernovcy: CHSU, 1993. — 244 p. [in Russian]